

Андрей Авдей

Маленький леший

16+

Андрей Авдей
Маленький Леший

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Авдей А. Н.

Маленький Леший / А. Н. Авдей — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-04831-7

Эта книга о том, как на защиту родной земли плечом к плечу с человеком поднялись и хозяева невидимого мира: домовые и Леший, Доброхожий и Варгин, пчелиный царь Крапчик и даже жуткий дух болотных трясин Багник. Они становились членами танковых экипажей, спасали от уничтожения и гибели, шли в атаки и отметили Победу, церемонно выпив трофейного шнапса, доставленного прямо из Берлина.

ISBN 978-5-532-04831-7

© Авдей А. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Уважительность	6
Колокольчик	18
Страшное поле	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

От автора

Посвящаю отцу, *Николаю Иосифовичу*, и светлой памяти дедов и их братьев:

Папкевича Иосифа Валерьяновича (1911-1962), воевавшего в составе Армии Людовой Войска Польского (капрал, награжден бронзовой медалью «За заслуги на поле боя», медалью «За Одер, Нейсе, Балтику»);

Гавдея Иосифа Андреевича (1913-1984), воевавшего в составе 256-го отдельного сапёрного батальона 186-й стрелковой Брестской Краснознамённой дивизии 1-го Белорусского фронта (сапёр), после ранения – в составе 817-го стрелкового полка 1-го Украинского фронта (стрелок, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Славы 3-й степени);

Гавдея Ивана Андреевича (1911-1945), воевавшего в составе 5-й стрелковой роты 390-го стрелкового полка 89-й стрелковой Таманской Краснознамённой дивизии 33-й армии 1-го Белорусского фронта (наводчик ручного пулемёта, награжден орденом Славы 3-й степени);

Гавдея Николая Андреевича (1922-1944), воевавшего в составе партизанского отряда имени Суворова бригады имени Кутузова (Городищенский район Барановичской области), награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Эта книга о том, как на защиту родной земли плечом к плечу с человеком поднялись и хозяева невидимого мира: Домовые и Леший, Доброхожий и Варгин, пчелиный царь Крапчик и даже жуткий дух болотных трясин Багник. Они становились членами танковых экипажей, спасали от уничтожения и гибели, шли в атаки и отметили Победу, церемонно выпив трофейного шнапса, доставленного прямо из Берлина.

Хочу сказать спасибо всем читателям за поддержку, критику и советы. Особая благодарность Шебалину Владимиру Сергеевичу, который терпеливо тянул на себе все вопросы по изданию. Спасибо вам, друзья.

С уважением, Андрей Авдей.

Если у Вас появились вопросы, замечания и пожелания, Вы можете написать автору:

– основная группа ВКонтакте: https://vk.com/four_ls;

– e-mail: andr080872@tut.by.

Уважительность

А вокруг свирепствовало лето. Яркое солнце нагрело хвою, напоившую густым ароматом воздух. Маленькие верткие ящерики весело носились между камнями, а лихой взъерошенный поползень с громким писком елозил по сосне. С тихим шелестом копошились неутомимые муравьи. Природа наслаждалась ярким днем, светом, теплом и жизнью.

Жизнью, с которой Виталий уже простался. Петляя между деревьев, падая, поднимаясь, снова падая, крепко сжимая в руках фуражку, он бежал вперед, туда, где решил встретить смерть: к маленькому озерцу, затаившемуся в глубине леса. Ему были знакомы каждая тропка, каждый кустик, каждый камень. С детства вместе с друзьями он устраивал здесь свои тайники, играл, ходил за грибами, собирал ряску в озере...

Над головой просвистела очередь. Виталий невесело усмехнулся: «Не самый плохой вариант умереть там, где вырос. Жаль только, никто никогда не узнает, что я буду лежать недалеко от родного дома». Солнечный луч упал на запыленный китель и зеленые кубики в петлицах засверкали. Кажется, еще совсем недавно бравый лейтенант-пограничник принимал вверенное ему подразделение. Еще недавно он ловил на себе восхищенные девичьи взгляды, маршируя со своими солдатами по улицам города.

Еще одна очередь – и резкая боль в ноге. Виталий со стоном рухнул, потом, схватившись за ствол молоденькой березки, поднялся и, волоча простреленную ногу, упрямо двинулся вперед, повторяя про себя: «Живым я не дамся».

Последним патроном он навсегда успокоил одного из тех, кто, изредка стреляя, шел следом. Поэтому сейчас лейтенант шел к своей смерти, к озеру.

Кто бы мог подумать, что пройдут какие-то два месяца и уже не на границе, километрах в двух от родной деревни, он во главе горстки оставшихся в живых бойцов будет сдерживать неумолимо движущуюся армаду. Противник шел вперед спокойно, уверенный в своих силе и непобедимости, в бессмысленности сопротивления, накапливая ярость.

Эта ярость проявилась уже в первые часы войны, когда совсем молоденькие солдатики с командирами, которые были зачастую немногим старше своих бойцов, попав в окружение, в ответ на предложение сдаться шли в первую и последнюю в своей жизни рукопашную. Когда танкисты, расстреляв боезапас, направляли свои машины на врага, стараясь раздавить все, что можно, пока их не подбили. Когда летчики, не раздумывая, шли на тараны, а артиллеристы выводили пушки на прямую наводку и, не скрываясь, расстреливали в упор танки и бронетранспортеры. Когда защитники в дотах прекращали сопротивление, только будучи залиты пламенем из огнеметов. Когда даже раненые оставались на поле боя с гранатой в руках и подрывали себя и тех, кто их окружал.

Растерянные, не понимающие, что происходит, часто без приказов, порой и без командиров вообще, эти непонятные солдаты и офицеры дрались до последнего. Дрались, зная, что впереди нет ничего, дрались даже в ответ на предложения сдаться и сохранить свои жизни. Они, бесспорно, были ненормальными, непредсказуемыми и очень опасными – эти страшные русские. Враг не понимал, что они собираются делать в следующую минуту и как с ними вообще нужно воевать, а потому накапливали ярость в ответ.

И сейчас она нашла выход. Потрепанной роте гитлеровцев повезло: после тяжелого боя им удалось захватить окопы, в которых, уже привычно остались только убитые. Отступление выживших солдат остался прикрывать их командир. Это была удача. Это была награда судьбы за страх. И лейтенант превратился в дичь, на которую устроили охоту.

Над головой опять просвистела очередь.

«Играют, – зло подумал Виталий. – Ничего, осталась сотня метров».

Немцы, громко смеясь, шли цепью по лесу, зная, что за ним уже нет ни одного солдата противника. Передовые части прорвали оборону и стремительно продвигались вперед. Поэтому «загонщики» теперь могли в полной мере насладиться охотой на командира, они нашли выход ярости. Немцы переговаривались и смеялись, но при этом вздрагивали от малейшего громкого звука: смех был попыткой заглушить страх. В глубине души каждый из них боялся того, что отчаявшийся лейтенант сейчас развернется и пойдет в рукопашную или метнет гранату. А может, и мину, или еще какую-нибудь гадость выкинет. За два месяца непрекращающихся боев немецкие солдаты стали понимать, что здесь, в этой стране, война ведется не по правилам. Здесь стреляет все, даже деревья.

Еще одна очередь и Виталий упал: прострелена вторая нога. За спиной раздался громкий смех. Солдаты видели, как офицер пополз к озеру, и радовались его беспомощности. Дичь оказалась в ловушке, охотники уже предвкушали скорую победу, как вдруг на глазах изумленных гитлеровцев лейтенант со стоном столкнул себя в воду и, держась за какую-то корягу, разгоняя ряску, поплыл.

«Вот и все, – думал Виталий, – добраться бы только до середины».

Лейтенант вспомнил ходившие в родной деревне легенды о том, что здесь, в самом глубоком месте озера, живет злобный водяной, с радостью утаскивающий любого на дно, кто имел неосторожность просто приблизиться к его владениям. Сзади раздавались удивленные возгласы, кто-то побежал вокруг озера.

«Надеются там меня встретить, – зло усмехнулся про себя Виталий. – Не дождетесь. Ну что, водяной, я к тебе, если ты есть – принимай гостя. Прощайте все».

Он увидел черную воду, мелькающих рыбешек и, уже теряя сознание, краем глаза уловил огромный ком водорослей, из которого к нему словно тянулись длинные тонкие щупальца. Коряга, от которой в последнем отчаянном усилии оттолкнулся лейтенант, поплыла дальше, и теперь в центре озера лишь тихо покачивалась на воде выгоревшая, грязная фуражка с ярко-зеленой тульей.

– Вот, доверься тебе, – недовольный голос был похож одновременно на шелест листьев и скрип дерева.

– Сосед, пошто бузишь, все получилось, аки... – виновато проквокал собеседник.

– Аки каки! Чуть парня не угробил, икра лягушачья! Мы о чем договаривались? Благо, не сильно он нахлебался-то.

– Вот только обзывать не надо, сам прошляпил и неча не меня вину перекладывать. Что так долго их запутывал, не мог пошевелиться, пенек трухлявый?

«Так вот он какой, тот свет», – подумал Виталий, и, слушая невидимых спорщиков, боролся с желанием открыть глаза и оглядеться. Было одновременно и интересно, и страшно. Смущало то, что он все чувствовал – холод от мокрой одежды, боль в простреленных ногах и даже легкое щекотание за ухом – по нему ползала какая-то очень активная букашка. Все было странно и непонятно. Немного поразмыслив, Виталий принял Соломоново решение: подождать, когда на него обратят внимание, а пока просто слушать, тем более, кажется, спор разгорелся с новой силой.

– Фуражку сними, перед головастиками пофорсить вздумал? Или пиявку самую жирную решил совратить? – ехидный смех, напоминающий треск сучьев, был прерван возмущенным хлюпаньем.

– На себя посмотри, дубина, мхом поросшая! От твоей красоты все кикиморы из леса уже убежали, вот и бесишься. Давно я заметил, как ты на моих русалочек заглядываешься.

– Нужна мне твоя килька, – презрительно хмыкнуло существо, которое Виталий окрестил Пеньком.

– Что ж целыми днями кружишься вокруг и оттопыриваешься, – ехидно захихикал Жаб (Виталий мысленно усмехнулся, радуясь удачному прозвищу для второго спорщика).

Букашка, вероятно, решила, что за ухом ей неинтересно и самым наглым образом принялась копошиться в носу. Лейтенант невольно отвлекся и...

– Апчхи!

– Оклемался, – в голосе Пенька послышались на удивление нежные нотки.

– Я же говорил, – самодовольно проквашал Жаб.

– Помолчи, сосед. Ну как ты, сынок?

Виталий почувствовал, как еловая лапка медленно погладила его лицо, и открыл глаза.

Высоко в небе медленно кружил аист.

– Где я?

– Там, где и был, – хмыкнул Жаб.

– Я умер?

– С чевой-то вдруг?! – Лейтенант почувствовал, как встрепенулся Пенек, – Живой ты, мил человек.

– Но я же... – Виталий хотел повернуть голову, но та же еловая лапа ласково удержала его на месте.

– Не нужно людям нас видеть, сынок, уж не серчай. Не умер ты, сосед мой тебя из озера вытащил, а...

– А немцы?

– Эту нечисть я закрутил, заблудил и отправил мухоморы собирать, поди, и сейчас комаров кормят, – самодовольный смешок Пенька заставил губы офицера растянуться в улыбке.

– Кто вы? – Виталий закрыл глаза, подумав: «Это сон, я умер и вижу сны».

– А ты не понял еще? – проквашал Жаб, – Ить меня ты первый из людей увидел.

– Я?

– Истинно, – подтвердил Пенек.

– Вспомни, что ты видел последнее? – подключился Жаб.

– Я... – Лейтенант наморщил лоб: – Отпустил корягу и стал тонуть, рыбки были вокруг – и все. Черная вода еще...

– Вот же молодежь пошла, – прервало Виталия обиженное кваканье, – невнимательная и неуважительная. Самого хозяина не заметил, а?

– Подождите... – В голове офицера пронеслись последние секунды перед тем, как он потерял сознание: рыбки и огромный... – Да, я вспомнил! Ком, большой ком водорослей и...

На землю что-то с грохотом упало, и тут же раздался гомерический хохот. Казалось, смеялось все: трава, деревья, даже букашка отвлеклась от изучения грязной щеки лейтенанта и тихонько захихикала.

– Все правильно, сынок, только теперь это не просто ком, а ком в фуражке, – отдышавшись, с трудом просипел Пенек.

– Подождите, – смутная догадка осенила Виталия. – Не может быть... неужели?..

– Ужели, ужели, – добродушно квакнул Жаб. – Я Водяной.

– А я – Леший, – проскрипел Пенек.

– А я, наверное, сошел с ума, – прошептал лейтенант и снова потерял сознание.

По лицу текла вода. Виталий вздохнул и очнулся.

– Слабый какой-то... выдохит хоть? – словно издали офицер услышал уже знакомый голос Жаба.

«Значит, не показалось», – со страхом и какой-то непонятной радостью подумал лейтенант.

– Не переживай, сосед, раз не побоялся свою жизнь за солдат положить, то и хворь свою победит. Он еще у нас повоюет, – добродушно проскрипел Пенек.

– Оклемался? – На лоб бесцеремонно шмякнулось что-то мокрое.

– Спасибо. – Лейтенант открыл глаза: над ним высоко в небе все так же кружил одинокий аист.

– Вот и ладненько, – довольно пробурчал Водяной.

Виталий провел рукой по лбу и снял комок водорослей.

– Не выбрасывай его, сохрани, он тебе поможет, ежели в воде окажешься. Да и так, мало ли... война, она такая. Водича, она ведь очищает, смывает все плохое, жизнь дарит, без нее все живое сгинет, а коли попросишь хорошо, то она тебе и поможет. Не бойся ее, лейтенант, понял меня, не бойся никогда.

– Будет уже разлеживаться, скоро солнце зайдет, а тебе еще из лесу выти нужно, – вмешался Леший.

– Так немцы вокруг, выйду прямо к ним в лапы. – Виталию очень не хотелось шевелиться, тем более что от новых знакомых веяло каким-то очень знакомым с детства теплом и спокойствием.

На душе было так легко, будто время повернулось вспять, и вновь трехлетний сорванец с разбитыми коленками уютно устроился рядом с бабушкой и, прижавшись к ней, слушает ее ласковый шепот.

– Отогнали их, покедова отогнали, так что торопиться нужно. Уж извини, лейтенант, но мы тебя донести не сможем. Водяной на солнце ни в жисть не выйдет, а мне заказано прикасаться к людям. Да и нас тебе видеть тебе нельзя, говорил уж.

– Значит, поползу, – улыбнулся Виталий.

– И поползешь, – хмыкнул Водяной. – Вот, фуражку свою возьми. – На голову лейтенанта аккуратно сел, как будто сам по себе, головной убор.

– Не нужно, оставьте ее себе, Водяной. Спасибо за то, что спасли меня, – улыбнулся небу офицер, и, сняв с груди знак «Ворошиловский стрелок», положил рядом с собой. – А это вам, Леший, тоже на память.

– Уважительно, – хором согласились невидимые спасители, – берем.

– Ну, если, даст Бог, и вернусь живым, принесу вам водки трофейной, – добавил Виталий. – И... ай!

Еловая ветка больно хлестнула по лицу, а по руке ударила ракушка.

– Ты что несешь, – возмутился Водяной.

– Да ить я тебя сейчас под пень закопаю, – поддержал друга Леший. – Ишь, умирать он собрался. Мы тебя не для того спасали, лейтенант, чтобы ты нам псалмы похоронные пел.

– Мне, знаешь, недолго тебя назад в озеро закинуть, а то как раз некому за пиявками и головастиками смотреть, расхулиганились совсем, спасу нет, – возмущенно квакнул Водяной.

– Живым вернешься, не сумлевайся, только верь в это сам, лейтенант. Мы тебя не ради удали бестолковой от немчурой поганой сохранили. Такие, как ты, и освободят землю нашу, такие вот молодые лейтенанты, о себе не пекущиеся, – поддержал товарища Леший.

– А по первости о своих солдатах заботу проявляющие, – добавил Водяной.

– Так что, поднимайся...

Корни деревьев мягко обняли Виталия и перевернули на живот.

– Я не могу идти, у меня ноги прострелены. – Офицер подтянул себя на метр и оглянулся – за ним тянулась кровавая дорожка. – Сами видите, землю кровью залил.

– А ты ползи, сынок, ползи, – проскрипел откуда-то сбоку Леший.

Виталий, преодолевая боль, подтянулся еще немного вперед.

– Вот и ладненько, а мне дальше нельзя. Помни: ждём тебя вскорости с водкой, лейтенант! И удачи, – раздался голос Водяного.

– Спасибо вам еще раз, – улыбнулся Виталий и пополз.

Перед глазами плыли круги, голова гудела, как колокол. Каждый метр отдавался болью во всем теле. Но иногда казалось, будто ветки деревьев, трава, даже камни старались помочь продвинуться вперед хоть на сантиметр.

А в ушах звучал скрипучий голос Лешего:

– Ползи, не останавливайся. Знаю, что больно, вижу, что кровью исходишь, поищи ею землю. А так и должно быть, она ведь, земля-то – матушка наша и кормилица. Из нее мы все выходим, в нее и возвращаемся, в ней спасение ищем в часы невзгод. Потому и не жалею кровушки своей, а уж матушка тебя отблагодарит. Страшно будет – прижмись к ней посильнее, попроси о помощи – укроет и защитит. Ей ить тоже больно от того, что сапоги чужие топчутся на ней, что сынов молодых на смерть отправляют. И ждет она избавления от нечисти лютой, потому ты ее защитить должен, пред ворогом голову не склоняй, страху не поддавайся, боль терпи и ползи, лейтенант, ползи...

– ...лейтенант... товарищ лейтенант...

Виталий поднял голову: над ним склонилось смутно знакомое лицо солдата.

– Товарищ лейтенант, очнитесь!

– Где я? – Виталий с трудом разжал пересохшие губы.

– У своих. – К раненому подошел майор с окровавленной повязкой на голове. – Наверное, в рубашке ты родился, лейтенант. А то бойцы уже всем рассказали, что их командир прикрывал отход и, верно, погиб.

– А я бы и погиб, – улыбнулся Виталий, – но меня спасли.

– Кто спас?

– Леший с Водяным.

– Врача быстро! – крикнул майор куда-то в сторону и склонился над офицером. – Контузило тебя, дружок, сильно, но ничего, отправим в госпиталь – вылечишься.

– Никак нет, не контуженный я, а Леший с Водяным на самом деле были.

– Вроде и не пьяный ты... – протянул майор, принимаясь.

– Разрешите, товарищ майор, – рядом с Виталием присел пожилой военврач с двумя «шпалами» в петлицах. – Так, так... все ясно... носилки сюда, быстро! Как себя чувствуете?

– Отлично, товарищ капитан, только в голове шумит, и ног почти не чувствую.

– Он бредит, о каких-то леших с водяными рассказывает, – шепнул на ухо майор.

– Товарищ майор, – военврач встал, – такое пережить, тут не только леших, еще и кикимор с русалками увидишь.

– Вот их не заметил, врать не буду, но Водяной жаловался, что у него пиявки с головастиками хулиганят, предлагал пойти к нему воспитателем, – прошептал лейтенант.

– Он еще и шутит, – восхитились офицеры.

– Я серьезно.

– Серьезно он! На вот, герой, хлебни эликсира жизни.

Почувствовав, как к губам прижалось горлышко фляги, Виталий сделал несколько глотков и закашлялся. Огненная жидкость приятно растеклась внутри и, уже засыпая, лейтенант услышал голос военврача, напомнившие скрипучий говор Лешего:

– Не переживайте, товарищ майор, раз не побоялся свою жизнь за солдат положить, то и раны его не одолеют. Он еще повоюет.

Вокруг горело красками, ласкало теплыми солнечными лучами уходящее лето. Но здесь, на поле боя, яркое солнце с трудом пробивалось сквозь задымленный воздух, наполненный запахами гари, копоти, крови и мертвых тел. Их были сотни. Молодые и старые, рядовые и сержанты, офицеры и санитары. Изувеченные тела закрыли землю. По павшим, спотыкаясь,

бежали новые цепи атакующих, а за ними еще и еще. Казалось, чья-то безумная рука толкает бойцов в самоубийственные наступления, заканчивавшиеся неизменно одним – новыми погибшими.

Это был август 42-го года, а может, и начало сентября. Никто точно не знал, какой сейчас день, ведь здесь не было времени, были только непрекращающиеся атаки, атаки изо дня в день... Это был ад, это был Ржев. Бои шли третью неделю. Кровавые, бессмысленные бои за пару сломанных деревьев, за бугорок, за стену развороченного взрывами дома, за засыпанный колодец. За улицы, которые теперь остались только на картах. Дождей не было уже давно, но солдатские сапоги хлюпали в грязи – земле, перемешанной с кровью.

Измученные, оглохшие, с черными лицами, в потерявших цвет гимнастерках, живые уже не понимали, где они находятся, на каком они свете. Может быть, они тоже уже давным-давно убиты, а это их души продолжают атаковать и умирать вновь и вновь?

Виталий крепко прижался к земле. Спрятавшись за телами павших, старший лейтенант осторожно выглянул: впереди свирепствовали пулеметы – очередная атака захлебнулась, выживших нет. Он оглянулся: его разведчики скрылись среди погибших. Теперь нужно ждать вечера. Приказ был ясен – уничтожить пулеметный расчет любой ценой, используя любые возможности и средства, не считаясь с потерями.

Офицер невесело усмехнулся: от его взвода осталось пять человек, тут и считать уже нечего. А когда они полягут во главе с командиром, то и вовсе... Перед заданием все бойцы написали последние письма родным, попрощались друг с другом. Понимали – живым не вернется никто. Может быть, потом, когда-нибудь, историки превратят этот изматывающий, бесконечный штурм в красивый, достойный легендарных героев прошлого подвиг, но сейчас схватку называли «Ржевская мясорубка». Ее ручка крутилась беспрерывно, жадно перемалывая в своем жерле все новые и новые жизни, щедро забрасываемые туда чьей-то властной рукой.

Незаметно опустилась ночь.

Где-то раздавались глухие стоны, предсмертные хрипы и тихие шорохи. Виталий подал знак, и бойцы поползли, замирая при каждом блеске прожектора, сливаясь с землей при каждом шипении осветительной ракеты. Их, тесно прижавшихся к земле, невозможно было обнаружить в безумном сплетении мертвых тел. На это и был расчет, на этом и зиждилась слабая надежда на то, что задание будет все-таки выполнено.

Пять солдат и командир на три пулеметных гнезда. По два человека на одно. Если первого убивают, второй завершает начатое. У каждого по несколько гранат, но бросок возможен только один, второго шанса не будет.

Бойцы скользили как тени. Немцы их пока, слава Богу, не заметили. Все ближе и ближе, уже можно было даже услышать приглушенные разговоры... Пока все тихо. Может, судьба решила смиростивиться и подарить шанс тем немногим, кто еще две недели назад входил в полностью укомплектованный взвод лихих разведчиков, большая часть которых уже давно скрыта под грудями других тел?

Так хотелось поверить в чудо, в этот неожиданный подарок судьбы... Вот раздался смех... Кажется, совсем рядом... Осталось несколько метров, может, десять... Собаки! И тьму распо- роли яростные очереди.

Вперед!

Первый бросок и пулемет замолчал. Виталий рухнул на землю. Из правого бока сочилась кровь. Ранен. Еще несколько взрывов и замолчал второй пулемет. Остался один, слева. Значит, там его бойцы не успели.

Старший лейтенант попробовал потянуться, но резкая боль пронзила все тело. Сжав зубы, Виталий, как ящерица, пополз к уцелевшему гнезду. Его нужно было уничтожить любой ценой, иначе завтра опять будут новые атаки, новые убитые, новая кровь.

«Ползи, не останавливайся. Знаю, что больно, вижу, что кровью исходишь, поишь ею землю. А так и должно быть, она ведь, земля-то – матушка наша и кормилица. Из нее мы все выходим, в нее и возвращаемся, в ней спасение ищем в часы невзгод, потому и не жалею кровушки своей, а уж матушка тебя отблагодарит», – прозвучал вдруг в голове скрипучий голос Лешего.

Казалось, вместе с кровью из тела вытекает жизнь. Виталий замер, рука его коснулась земли, крохотного пятка, чудом не укрытого трупами. «Страшно будет – прижмись к ней посильнее, попроси о помощи, укроет и защитит», – вспомнил он. Взяв горсть пропитанной кровью грязи, Виталий прошептал: «Спаси меня, матушка, и защити... если сможешь», – и, резко вскочив, метнул гранату...

Белоруссия. Лето 1944 г.

Комары не просто свирепствовали, казалось, они объявили людям самую настоящую войну. Насекомые были везде и всюду, казалось, жаркий июльский воздух состоит только из них – маленьких, пронзительно зудящих крылатых паразитов. Бойцы безуспешно пытались отмахнуться от этих злобных созданий, но не помогало ничего – ни ветки, ни табачный дым, ни цветочки пижмы.

– Да уж... – Старшина с наслаждением затыкнулся и хлопнул себя по лбу. – Вот же напасть, прости меня, Господи, спасу от нее нет.

– Завтра в бой пойдем, так одним своим видом немцев распугаем, – усмехнулся младший сержант с сизым носом. – Это ж надо, как покусали.

– Смирно! – Солдаты вскочили.

– Вольно, вольно, садитесь, – подошедший капитан присел у костра. – Ну как настроение, боевое?

– Боевое, командир, как всегда, только вот эти гады маленькие совсем замучили. – Младший сержант хлопнул себя по щеке. – Вам-то хорошо, не трогают.

– А почему, кстати, товарищ капитан? – вмешался в разговор старшина. – Про вас в роте вообще легенды ходят.

– Как-нибудь расскажу. – Виталий улыбнулся. – Или Иван пусть расскажет. – Сизоносый с готовностью кивнул. – А мне пора, вызвали, так что будьте готовы, сами знаете.

– Знаем, знаем. – Старшина затушил самокрутку. – Раз вызвали, значит, скоро поползем.

– Скорее, поплывем – впереди Неман, – поправил капитан и направился к штабу.

– Ну, рассказывай! – Красноармейцы окружили Ивана.

Тот с достоинством затыкнулся:

– Мы с капитаном вместе с июня сорок первого от границы отступали. Я ему дважды жизнью обязан. Второй раз он подо Ржевом, сам раненый, меня вытащил. Нас от взвода только двое и осталось. Меня за тот бой «Отвагой» наградили, а командира – «Красной звездой». Второй по счету, первую дали за...

– Да погоди ты, с начала рассказывай, – перебил Ивана старшина.

Бойцы поддержали согласным гулом.

– Так я и рассказываю, – хмыкнул Иван. – Первую звездочку ему дали за то, что остался прикрывать наш отход летом сорок первого. Если бы не он, всех бы перебили или в плену бы сейчас баланду хлебали. Мы отошли через лесок небольшой и аккуратно на наших вышли. Ну, доложили, как положено: так, мол, и так, взводный погиб геройски. А тут – мать честная! – выползает он, весь мокрый, ноги в крови и бредит. Говорит, что его спасли леший с водяным.

– Мало ли что раненому могло привидеться, – недоверчиво хмыкнул один из бойцов.

– Мало не мало, а только тех немцев так и не нашли. Мы потом на позицию обратно вернулись. Значит, он или сам их перебил, или помог кто. Вот за это к ордену его и представили, за то, что один почти взвод уничтожил. Я давно заметил, что хранит капитана сила какая-то. Он

когда подо Ржевом меня ташил, все шептал о земле. Мне в руку тоже ее положил и сказал просить помощи. Нас в батальоне как с того света встречали, похоронки уже отправили родным.

– А комары почему его не кусают? – сощурился старшина.

– А потому и не кусают, – Иван раскурил новую самокрутку, – что его Леший бережет.

Сам видел: наступил раз капитан на змею, поднял ногу – та и уползла, другого бы сразу ужалела. В воду заходит – ни одна пиявка не прицепится, тут уж без Водяного никак.

– Везучий наш капитан, – загудели бойцы.

– Он за это везение кровью платил, и жизнью своей, – поправил бойцов Иван. – Говорят, будто наградили лесные хозяева его за то, что своей жизни не жалел, простых солдат спасая.

– Что правда, то правда, – поддакнул старшина, – наш ротный, хоть и молодой, а бойцам как отец, под пули зря не гонит и за спинами не прячется. Попомните мои слова, заберут его скоро у нас.

– А он не согласится, – улыбнулся младший сержант, – ему и в академию предлагали, и в штаб полка – от всего отказывается, говорит, буду со своими разведчиками и ни за что не...

– ...уговорите, товарищ генерал. – Виталий стоял навтыяжку. – Учиться после победы время придет, а сейчас роту не брошу.

– Да пойми ты, башка еловая, тебе расти нужно, а ты в ротных сидишь. – Генерал раздраженно плюхнулся на стул. – Такие офицеры у нас на все золота. Мне и комбат нужен боевой, и замкомполка.

– Спасибо за предложение, но я отказываюсь. – Капитан стоял навтыяжку, не шевелясь.

– Сергеич... – Комдив повернулся к заместителю: – Вот объясни мне, почему так. Толковых офицеров танком с фронта не вытащить, а шелупонь всякая, что в тылах отсиживается, валом в академии просится.

– Потому и войну выиграем, что их с фронта не выманить, – пробурчал заместитель и шепотом добавил: – Вот только доживут ли они до победы-то...

– Что ты там бубнишь, – резко повернулся к заместителю генерал.

– Я говорю, товарищ комдив, что пора знакомить разведку с заданием, – встрепенулся Сергеич.

– Твоя правда. Значит так, капитан...

На Неман упали последние лучи уходящего солнца. Наступала ночь, тишину нарушали только редкие всплески волн. С противоположного берега доносились приглушенные команды и лязг оружия: там готовились к утреннему штурму. Бойцы, не обращая внимания на уже ставшее привычным зудение, напряженно вглядывались в темноту, с нетерпением ждали командира.

– Удачи тебе! – Комдив встал и пожал разведчику руку.

– Спасибо, разрешите идти?

– Иди с Богом. Да... кстати... – Виталий остановился в дверях и оглянулся. – Какой будет твой позывной?

– Леший, товарищ генерал... – И, улыбнувшись, капитан вышел.

Тени беззвучно скользнули в воду. Шесть человек. Офицер и пять солдат. Задание было простым: перебраться на другой берег и захватить дот¹ противника. По возможности, обеспечить прикрытие переправы. Виталий оглянулся: никто не отставал. Самым последним плыл связист, толкая перед собой замаскированную под ком водорослей рацию.

¹ Долговременная оборонительная точка. – Примеч. авт.

«Еще бы фуражку сверху», – улыбнулся своим мыслям капитан.

Вот уже и середина реки. Тишина. Разведчики тихо скрывались под водой и, проплыв несколько метров, выныривали лишь на секунду, чтобы набрать воздуха и опять погрузиться в царство водяного.

«Водича, она ведь очищает, смывает все плохое, жизнь дарит, без нее все живое стигнет», – вспомнилось вдруг Виталию. Перед глазами проشمыгнули несколько рыбешек, а чуть впереди... Капитан не поверил своим глазам!

«А коли попросишь хорошо, то она тебе и поможет. Не бойся ее, лейтенант, понял меня, не бойся, никогда».

Огромный, черный, выделявшийся даже в темной воде, ком водорослей протягивал к нему свои жадные щупальца. Капитан дернулся вправо и тут же, где секунду назад была его голова, просверлив воду пузырьками, пронеслись пули.

«Заметили, сволочи, – зло подумал Виталий. – Спасибо, тебе, Водяной, спас. И помоги нам дальше, хозяин воды, очень нужна твоя помощь, очень!»

Речную гладь рассекали лихорадочные очереди, вокруг плывущих пузырилась вода, изредка освещаемая сполохами осветительных ракет и прожекторов. Но капитан был спокоен, ныряя глубже, он ждал. И вот, погас первый прожектор, затем второй, замолчал один пулемет.

О лихом командире разведроты не зря ходили легенды. Перед каждым заданием Виталий мог часами сидеть перед картой и думать, как избежать потерь. Он не любил фразу «малой кровью». Кровь – это уже немало, потому всегда надо было обходиться без нее, если это было возможно.

Вот и сейчас заранее занявшие позиции на нашем берегу снайперы, целясь по вспышкам, спокойно и методично выбивали все, что имело неосторожность светиться либо стрелять. И в это же время капитан был уверен: вторая группа, три неслышных тени, уже выбиралась на берег в ста метрах правее.

Его тройка отвлекала внимание на себя, а вторая уже через несколько минут перережет глотки тем, кто затаился в доте. Слева разгорелась на обоих берегах бешеная перестрелка. Виталий усмехнулся: второй взвод был точен, как часы. Теперь все внимание противника переключилось на них. Выбравшись на берег, капитан быстро посмотрел по сторонам: оба разведчика были на месте.

«Все живы, уже хорошо», – удовлетворенно подумал он.

Иван, приложив руки ко рту, заухал, как филин. Из дота ухнуло в ответ.

– Связь мне, быстро, – прошептал офицер.

– Разрешите? – Радист вбежал в штаб.

– Ну, говори. – Комдив с заместителем выжидающе посмотрели на солдата.

– Пришло сообщение от разведгруппы. «Потерь нет. Готовы. Леший».

– Ну, герой, получилось все-таки! – усмехнулся генерал. – Сергеич, готовь наградные...

на всех.

Берлин. Апрель 1945 г.

Земля вздыбилась. Осколки и пули сыпались, как горох из мешка, прощупывая смертоносным металлом каждый метр земли. Дым от снарядов и пыль в несколько минут накрывали все вокруг.

Капитан и сержант с трудом добрались до будки и вбежали через сорванную дверь внутрь. Здесь было полно солдат: спасались от губительного огня.

– Командир, тут место гиблое, – прошептал Иван. – Если угодит снаряд, получится один на всех каменный гроб.

– Сам вижу, – кивнул Виталий. – Что-то нерадостно нас здесь встречают, а, бойцы!

– Ну так, товарищ капитан, – с достоинством ответил старшина с рядом нашивок за ранения, – что нас с радостью-то встречать, знают – не будем мы их обнимать

Громкий хохот на несколько секунд заглушил звуки выстрелов и разрывов.

– Так, мужики... – Офицер посерьезнел. – Отсюда надо выбираться, не дай бог, накроет – останемся здесь и победы не увидим.

– Подъем, бедолаги, хорош курить! – Старшина взял в руки автомат. – Командуйте, товарищ капитан.

Огонь был не просто плотным, а сплошным, пули, казалось, летели отовсюду. Из замурованных окон, бойниц, врытых самоходок, из воронок и наспех прорытых окопов неслись на бойцов тысячи смертоносных жал. Остатки некогда непобедимой армии сражались с самоубийственным отчаяньем, словно надеясь на какое-то чудо, которое произойдет, если они смогут продержаться еще несколько дней.

Но вместо этого наша артиллерия обрушивала на головы обороняющихся сотни снарядов, методично уничтожая все, что могло послужить даже крохотным участком обороны. Улицы и площади были густо покрыты ямами, разбитыми зенитками, пушками, танками и телами убитых.

Все понимали, что победа – вот она, рядом, в паре километров. Она все чаще и чаще проступала сквозь клубы дыма, трансформируясь в огромный купол... купол Рейхстага. Здание немецкого парламента превратилось для советских солдат во дворец Победы, в символ мира, начала новой жизни.

– Командир, впереди пулемет, метров сто до него, – шепнул Иван.

– Вижу. – Виталий выплюнул попавший в рот кусочек камня. – Рассредоточиться!

Бойцы разведроты растворились среди подбитой техники и обломков стен.

Лежа на спине за метровым каменным обломком, и осматривая в бинокль здание справа, Виталий мысленно перекрестился и прошептал:

– А здесь ни земли, ни воды...

– Что, командир? – Иван повернулся к ротному.

Из раскученного окна дома метрах в двадцати показался ствол автомата.

– Я говорю, ни зем... – Капитан резко вскочил и накрыл собой бойца.

Щелчок выстрела растворился в непрекращающемся грохоте боя.

– Мужики, ротного ранили!

– Унесите командира, санитаров сюда!

Это уже кричал старшина. Как самую большую ценность, бойцы на руках унесли истекающего кровью офицера в подвал и бережно уложили на тут же снятые с себя телогрейки.

– Командир, командир!.. – Иван, не скрывая слез, стоял на коленях перед Виталием. – Ты чего это собрался делать?! Меня в третий раз спас, я с тобой рассчитаться должен, нельзя тебе умирать.

– Ни земли, ни воды... – с трудом прошептал Виталий.

– Так сейчас найдем, сей секунд!

– Не надо, послушай, – каждое слово капитану давалось с огромным трудом, – обещай, что выполнишь.

«Да ить я тебя сейчас под пень закопаю, ишь, умирать он собрался. Мы тебя не для того спасали, лейтенант, чтобы ты нам псалмы похоронные пел», – прозвучал вдруг в тишине хриплый голос Лешего, который слышал, похоже, лишь один капитан.

– Командир, я все сделаю, ты только не умри! Не первый раз по тебе пули скачут, выдюжишь. – Сержант лихорадочно оглядывался: кроме обгоревших стен и бетона не было вокруг ничего: ни земли, ни воды.

– Помнишь тот лес в сорок первом? Сможешь найти?

«Ты что несешь!» – разозлился невидимый Леший.

– Смогу, товарищ капитан, конечно, смогу.

Виталий закашлялся, изо рта пошла кровь.

– Найди там озеро, небольшое оно, увидишь, положи на берег...

– Что?.. – Иван прислонил ухо к самым губам капитана, судорожно открыл нагрудный карман ротного и достал превратившийся в камень комок речных водорослей. Не понимая, зачем он это делает, сержант приложил его к ране командира.

«Шнапса бутылку, а то неуважительно получится, обещай... – шелестел голос Лешего. – Живым вернешься, не сумлевайся. Только верь в это сам, лейтенант. Мы тебя не ради удали бестолковой от немчуры поганой сохранили. Такие, как ты, и освободят землю нашу, такие вот молодые лейтенанты, о себе не пекущиеся».

– Верю, – с трудом прошептали окровавленные губы.

– Командир, товарищ капитан!

Но Виталий уже ничего не слышал.

А вокруг неистовствовало лето 1945 года. Яркое солнце нагрело хвою, напоившую густым ароматом воздух. Маленькие верткие ящерики весело носились между камнями, а лихой взъерошенный поползень с громким писком прыгал по сосне. С тихим шелестом копошились неутомимые муравьи. Природа наслаждалась ярким днем, светом, теплом и жизнью.

На тихой глади небольшого лесного озера, покрытого ряской, медленно покачивалась грязная, залепленная тиной фуражка. Внимательный глаз мог еще различить просвечивающийся околыш, когда-то бывший зеленым, и выглядывающие сквозь водоросли лучи красной звезды.

На берегу, недалеко от коряги тускло поблескивал потемневший от времени знак «Ворошиловский стрелок». Рядом лежала плотно закупоренная бутылка, на этикетке были уже ставшие привычными за четыре года войны немецкие буквы.

– Вот, шнапс трофейный, как и было обещано, – тихо прошептал военный в выгоревшей форме. – Извините, что так поздно. Ай!

Коряга неожиданно подпрыгнула и больно ударила по ноге. И тут же еловая лапа от души хлопнула по заду.

– Вы что творите, а? Больно же!

– Итить твою через дырявое коромысло, – булькнуло из-под фуражки.

– Фома неверующий, – какая-то взбесившаяся ветка от всей души хлестнула по руке.

– За что?

– Напугал нас до икоты, у меня аж шишки со всех елок посыпались, – проскрипел голос Лешего.

– А у меня головастики чуть не померли, – квакнул Водяной.

– Да хватит, вы чего. – Военный, закрыв лицо руками, пытался укрыться от беспрерывно тыкающейся в лицо еловой лапы.

– И не ругайся мне тут. Ишь, моду взял перечить, – рявкнул Леший. – Помирать он там собрался, нас переполошил, солдат своих нервничать заставил.

– Мы как тебе сказали? Верь! – поддержал соседа Водяной.

– Да верил я, правда, – прошептал Виталий. – Просто тогда подумал: все, ни земли вокруг, ни воды...

– А водоросли как же? В них же и водица, и земляца! – Фуражка подскочила над озером. – Отвернись, назад надену.

– Хорошо солдат твой сообразил, – уже добродушно прокряхтел Леший. – Ну ладно, сынок, спасибо тебе, порадовал стариков, вернулся с победой и подарком. Проявил уважительность.

– И за пастухов спасибо, – булькнуло из-под фуражки.

– Каких пастухов? – Капитану очень хотелось обернуться. – Я же никого... подождите... то есть?

– Ну, извини, – смущенно просипел хозяин леса, – ты как уполз, сосед-то мой давай форсить в фуражке твоей: и так проплывет, и этак, то набекрень наденет, то на затылок сдвинет, а уж вечерело – ну я и не стерпел.

– Вы привели сюда тех немцев? – давясь от сдерживаемого смеха, спросил Виталий.

– Вот, догадался, настоящий разведчик, – хмыкнул Леший. – Так и было. Привел я их к озерцу, а сосед как раз тренировался честь отдавать, вытянулся, толстобрюх, как на параде...

Офицер не стерпел и расхохотался, а вместе с ним засмеялся и весь лес, кажется, даже коряга всхлипывала от смеха.

– В общем, – закончил Водяной, – как увидели красоту мою, да в фуражке дареной, так и прыгнули ко мне, таперича за пиявками смотрят.

– А я все понять никак не мог, куда немцы делись, ведь меня за то, что взвод уничтожил, орденом наградили. Значит, он ваш. Сейчас сниму. – Капитан потянул руку к ряду наград.

– Не спеши, – хором остановили его Леший с Водяным. – Медали и ордена твои кровью политые, носи их с гордостью, заслужил, и ступай домой, знаем, что к нам зашел первым, за то тебе наш стариковский поклон. Уважительно поступил. Но заждались тебя дома, поди. Иди, сынок, и спасибо тебе.

Виталий медленно шел по тропинке, вслушиваясь в разговор за спиной:

– Ну, за победу!

– За нее, родимую!

– Наша водка лучше!

– Ну бузи, сосед, трофей из самого Берлину...

– Давай за нашего лейтенанта...

– Геройского, давай.

– Я капитан, – тихо поправил офицер, и, улыбнувшись, широко зашагал в сторону дома.

Эпилог

В небольшом лесочке есть маленькое озеро. Местные говорят, спокойное это место, чисто вокруг, светло: грибник не заблудится, всегда выйдет к дому, если дети по ягоды сбегают, то родители не волнуются – ребятню гнус не укусит. Ходит легенда, что за порядком там смотрят Леший с Водяным, они всегда помогают людям в благодарность за то, что давно, во времена большой и страшной войны, один лейтенант пограничник проявил к ним уважительность.

А еще говорят, что в озерце все рыбешки, головастики и пиявки плавают строем, потому что пасут их гитлеровцы, пропавшие здесь еще летом сорок первого. И каждый вечер, как только заходит солнце, с берега озерца раздаются грустные немецкие песни, изредка прерываемые недовольным бульканьем и скрипом.

Колокольчик

- Колокольчик, Колокольчик? – детская головка заглянула за печь. – Ау!
- Да здесь я, здесь, – недовольно пробурчало из угла. – Вот непоседа, пошто не спишь?
- Мне скучно. – Малышка пыталась рассмотреть кого-то в темноте. – Мама уснула, а я сразу к тебе в гости, соскучилась за день.
- Соскучилась она, – раздались кряхтенье и шорох, словно кто-то почесывался. – У всех дети, как дети, спят по ночам, играют днем, не видят никого.
- А я вижу. – Девочка тихо рассмеялась. – Я тебя всегда видела, а мама и папа не верят.
- И правильно делают, что не верят, это что же будет, коль люди нас видеть начнут, – в углу зашуршало и на дорожку лунного света выполз маленький мужичок в лапоточках, подпоясанной веревкой рубахе, накинутом на плечи тулупчике и умопомрачительной шапке, расшитой узорами и бисером. – Привет, Машенька.
- Привет, Колокольчик! – Девочка обняла своего друга.
- Кузьма я, сколько раз тебе говорить, – беззлобно буркнул Домовой.
- А для меня ты Колокольчик, добрый и очень хороший. У тебя такая красивая шапка, можно примерить?
- В самый раз тебе будет, – усмехнулся мужичок, глядя, как малышка пытается рассмотреть себя в крохотном зеркальце. – Подарок Деда Мороза.
- Настоящего? – синие глазенки удивленно распахнулись.
- А ты как думала, самого настоящего, он тебе привет передавал, наказал ждать подарка на Новый год.
- Ой, как здорово! – Машенька тихо захлопала в ладошки и чмокнула Домового в щеку.
- Но только обещай, что будешь слушать маму. – Кузьма постарался посмотреть строго, но это у него не получилось, да и разве можно иначе, как не с любовью, смотреть на белокурое чудо, старательно пытавшееся уместиться за печкой.
- Обещаю, – прошептала девочка. – А знаешь, моя мама сегодня плакала весь день. Тетя Света, соседка, говорила, что нам принесли «похоронку». Я видела тот листок, но на нем написано «Извещение». Это что, Колокольчик?
- Это письмо твоей маме и тебе, что ваш папа жив и здоровствует, – отвернувшись к печной стене, прошептал Домовой. – Мама твоя плакала от радости. И тетю Свету поменьше слушай, она сама не понимает, что мелет.
- А правду говорят, что скоро немцы к нам придут?
- Не знаю, малышка, то мне неизвестно. Нам, домовым, не след на улицу выходить.
- Почему? Бедненький. – Девочка ласково погладила друга по густой шевелюре. – Там так здорово.
- Знаю, Машенька, знаю, – грустно улыбнулся Кузьма. – Ты своей маме скажи: уходить вам отсель надобно, прямо с утра и уходить.
- Ты нас выгоняешь? – из глаз девочки покатались две грустные слезинки.
- Что ж ты какое говоришь, маленькая. – Домовой неловко обнял ребенка. – Переживаю я за вас. За дом не волнуйтесь, я с ним останусь, поди, справлюсь, присмотрю за порядком.
- А если мы не уйдем, ты останешься со мной?
- Конечно, я всегда буду с тобой, я же твой Колокольчик, а таперича беги спать и больше босой не ходи, простудишься. – Кузьма ласково подтолкнул девочку.
- Обещаю. – Малышка нехотя сняла шапку и протянула своему другу.
- Бери себе, Дед Мороз мне так и сказал: коль Машеньке понравится, пусть носит.
- Домовой улыбнулся.
- Спасибо! – от нахлынувших эмоций девочка тихо взвизгнула.

– Носи на здоровье... Ну все, беги.

– Ой, я забыла спросить... – Машенька, уже было совсем вылезшая из-за печки, вновь посмотрела на друга. – Тетя Света говорила, что Домовой может разрушить свой дом. Это правда?

– Я тебе велел, не слушать ее! – Кузьма вздохнул и продолжил. – Ежели дому беда грозит, али в нем люди лихие поселятся, мы можем их наказать. А таперича быстро спать.

– Спокойной ночи. – Девочка мышкой шмыгнула из-за печи.

– И тебе спокойной... – Домовой задумчиво посмотрел вслед.

Кузьма вздрогнул и проснулся. В доме слышались незнакомая речь, грохот сапог и лязг оружия.

– Машенька? – тихо прошептал Домовой. – Ау?

В ответ звучали только пьяные крики: кроме незваных гостей в доме не было никого.

– Значит, ушли... – Кузьма грустно улыбнулся. – Жаль только, что не попрощались, но ничего, я дождусь, а покамест буду присматривать за домом, чтобы эти поганцы делов не наделали. Ну-ка, посмотрим, что они творят.

Кузьма осторожно выглянул из-за печи: за столом, заставленным бутылками, сидело несколько мужчин в непривычной серой форме, возле двери, рядом со странным металлическим ящиком крутился еще один. Прижимая к уху трубку, он что-то подкручивал и, судя по всему, разговаривал с кем-то, передавая команды.

– Все загадили сапожищами своими, – буркнул Домовой, оглядывая комнату. – Вон и шапка на полу лежит, ну рази ж так можно?

Что? Шапка?

Он присмотрелся и вздрогнул: на полу валялся растоптанный, расшитый умопомрачительными узорами недавний подарок, весь в грязи, тускло поблескивали раздавленные бисеринки.

– Батюшки-светы, это что ж такое деется?! Куда вы подевались-то?! – Кузьма лихорадочно засуетился за печью. – Машенька, ау, отзовись!

Но тихий шепот хозяина дома заглушался все более громкими пьяными воплями.

– Может, на улицу убегли? Проверить надобно, выйти – так увидят же иноземцы проклятые.

Неожиданно на улице раздался женский вскрик и сухой шелчок. Домовому показалось, что через секунду он услышал приглушенный детский вопль, прерванный вторым таким же шелчком.

– Что ж вы творите, нелюди! – Кузьма зажмурился и шагнул вперед.

Пьяные гитлеровцы разом замолчали, увидев, как из-за печи, сощурившись, вышел маленький мужичок в лапоточках, подпоясанной простой веревкой рубахе и накинутом на плечи тулупчике. Не обращая внимания на ошарашенные взгляды, он подошел к вытарацившемуся радисту и буркнул:

– Отворяй.

Подчиняясь непонятному приказу, гитлеровец вскочил и открыл дверь. Домовой нерешительно замер на пороге, а затем с закрытыми глазами сделал первый робкий шаг. Ему казалось, что он движется сквозь густое месиво, словно какая-то сила не пускала его вперед, тянула назад, в дом, туда, где было его место. А может, она так оберегала маленького домового от того, что ждало его в нескольких шагах от дома. Решившись, Кузьма открыл глаза и замер: недалеко от порога...

– Машенька, что же ты творишь такое, а? – изо всех сил преодолевая густой, как кисель воздух, Кузьма двинулся вперед. – Ты пошто босая? Я же говорил тебе, беречься надобно, простудишься ведь, вон ноженьки как побелели-то. И не лежи на сырой земле, чай, сентябрь на

Страшное поле

Июль. Полдень. Разморенная природа, тихо посапывая легким ветерком, спала. В жаркой тишине изредка раздавался шелест пшеничных колосьев на поле и какой-то гул, доносившийся из неглубокого овражка.

– Никакого почтения!

– Забыли заветы предков!

– Трава сохнет, а никто не косит, зря я, что ли, старался?

– Колосья лентами не перевязывают. Думаете, мне не обидно?

– Наши баньки горят, а никто и не пошевелился! Что теперь погорельцам бездомным делать!

– А ну цыц! – старческий голос прервал возмущенное многоголосие. – Посмотрите вокруг: все горит, враг пришел на нашу землю, поля железом давит, дома сжигает, людей убивает, а вы тут колоски считаете!

– А как не считать, столько сил поло...

– Цыц, я сказал! Не плакать надо, а думать, как помочь. Не будет людей и о нас никто не позаботится, пропадем вслед за ними.

– Да кому тут помогать-то, разбежались все, а кто не успел...

– Может, ему? Посмотрите...

– Не может быть...

– Перевязывает...

– Ленточка только странная...

– Это кровь...

– Дед, говори, что делать.

– Вот и хорошо. – Сергей посмотрел на небольшой сноп из несколько колосков, связанных окровавленным бинтом. – Хоть и не совсем, как полагается, но...

– Стой, стрелять буду!

– Здравствуй, мил человек, свой я, опусти ружье.

Боец смущенно опустил винтовку: перед ним стоял обычный дед в домотканых штанах и рубахе. Самый обычный дед... если бы не глаза – удивительные, разные и сияющие каким-то необыкновенным светом.

– Извините, – Сергей смутился, – вы сзади подошли неожиданно, а я жду, когда немцы на меня двинутся, вот и...

– Ничего, сынок, я понимаю. – Дед присел возле одиночного окопа. – Что делать собрался, солдатик, вижу, не пироги печь ты сюда пришел.

– наших прикрываю, они в ту сторону, – рука показала на межу между двух полей, – уходят.

– А ты, значит, здесь. И не страшно тебе?

– Врать не буду, страшно очень.

– Так что остался тогда? Окоп, смотрю, выкопал, убьют ведь.

– Может, и убьют, только нельзя мне уходить, ребята раненые все, не успеют до наших добраться.

– Интересный ты человек... – Дед присел и задумчиво посмотрел на солдата. – Боишься, но не уходишь. Страшно, но готовишься к бою. А это что?

– Это... – Сергей улыбнулся: – Вот, решил помочь полевым духам. Видите, поле рядом? Так я сорвал пару колосков, сделал им запас на зиму, маленький сноп, как положено по традиции. Вот только ленточки не было, бинта кусок оторвал и перевязал.

– И каких это полевых духов ты кормить собрался, мил человек? – Старик с интересом посмотрел на бойца.

– А то вы не знаете, – хмыкнул солдат. – Известное дело каких: у нас в деревне мы с малолетства о них слышали. Вот, например, в каждой бане живет банник, ему всегда шаечку с веником оставляют попариться, за это он присматривает за людьми, угару не допускает. А если в поле – там главный Полевик, Полевой дед. Его дети и внуки – Межевички и Луговички – как маленькие человечки в одежде из травы. Луговичок смотрит за ростом трав, готовит их к сенокосу и цветению. Когда он бежит по лугу, видно, как трава шевелится, тропкой завивается, словно ветерок по полю гуляет. Межевички охраняют границы полей, а сам Полевой дед...

– Знаю, знаю, – хмыкнул старик, – и сноп для него после жатвы оставляют.

– Вот я и оставил, – в ответ улыбнулся Сергей.

– Добрый ты, сынок, но измучен сильно, – разноцветные глаза смотрели, казалось, прямо в душу бойцу. – Многое ты уже повидал недоброго, но не очерствел, не сломался, устал только очень, отдохнуть тебе, нужно. Поспи, поспи...

Чарующий голос убаюкивал, Сергей почувствовал, как какая-то сила нежно, по-матерински ласково пытается закрыть ему глаза.

– Мне... нельзя, немцы... Скоро...

– Спи, сынок, я покараюлю, спи.

Перевязанная голова опустилась на бруствер. Убедившись, что боец уснул, дед встал и недобро сощурился в сторону появившейся вдалеке цепи:

– Ну, идите в гости, вражины, сейчас мы вас встретим, – и тихонько свистнул.

– Ганс, что мы здесь ищем? – Солдат повернулся в сторону друга, внимательно смотревшего на поле.

– Тут должны еще оставаться русские, Генрих. Они отступали в эту сторону, далеко уйти не могли.

– Куда им деться? – рассмеялись остальные. – Не сегодня, так завтра догоним. Стоит ради этого жариться на солнце?

– Это приказ и его не обсуждают, – рявкнул Ганс. – Шутки в сторону! Отделение, рассредоточиться, вперед.

Сминая сапогами траву, солдаты шли, внимательно осматривали все вокруг.

– Стой! – Генрих толкнул друга в плечо. – Метрах в ста впереди окоп.

Ганс поднял руку, и отделение замерло. Действуя по давно отработанной схеме, трое немецких солдат, крадучись, двинулись правее, трое — левее, последняя тройка во главе с командиром, засела в траве, взяв под прицелы бруствер окопа.

– Странно, что он нас не услышал, – шепнул Ганс. – Может, там нет никого?

– Или спит, – хихикнул солдат рядом.

– Спит он, устал, бедолага, – раздался тихий голос сзади.

Все четверо, как по команде, обернулись. Перед ними стоял обычный дед в домотканых штанах и рубахе. Самый обычный старик, явно местный, внимание привлекали только его глаза – удивительные, разные и сияющие каким-то необыкновенным светом.

Но не это поразило многое уже повидавших на войне солдат. Они, открыв рты от удивления, разглядывали стоящих рядом с дедом крохотных, размером с кошку, четырех совершенно голых старичков с длинными белыми бородами. Свою наготу странные существа прикрывали березовыми вениками.

– Вас ист дас? – прошептал Генрих.

– Это погорельцы бедные, домов своих лишены, банники, – ласково потрепал дед по голове одного из старичков. – Вы ж, нехристи, пожгли все. Так и маются теперь, страстотерпцы, без домов, вот пришли поквитаться.

Зеленые глазки недобро сощурились и почти мультяшные голоса хором просипели:

– Ну что, гады, это вам за

Кто бы мог подумать, но закаленные в боях солдаты не успели и моргнуть глазом, как... Собственно, они уже и не смогли моргнуть после того, как банники отстегали их венниками по лицам. Взбешенные духи без единого звука стали мутузить ошарашенных и полностью потерявших ориентацию гитлеровцев. Растерянные солдаты не понимали, куда смотреть, что прикрывать и – о, майн гот! – как же больно. Вероятно, этим старичкам были неизвестны основы этикета боя, гласящие, что мужчину не стоит бить по... о, майн гот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.